

2. Кругляшова В.П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1973. С. 163, 166.
3. Предания и легенды Урала. Свердловск, 1991. С. 7.
4. Лазарев А. И. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970. С. 50-53.
5. Там же. С. 43.
6. Мелетинский Е.М. Культурный герой // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.; Минск; Смоленск, 1994. Т.2. С.25.
7. Лазарев А.И. Указ.соч. С.177.
8. Там же.
9. Швабауэр Н.А. Типология фантастических персонажей в фольклоре горнорабочих Западной Европы и России. Челябинск, 2002. С. 6-7.
10. Лазарев А.И. Указ.соч. С. 182.
11. Там же.
12. Там же. С. 183.
13. Там же. С. 184.
14. Рубецаль // Мифологический словарь. М., 1990. С.464.
15. Лазарев А.И. Указ. соч. С. 180.
16. Ахметшин Б. Г. Образы Хозяина и Хозяйки подземных богатств в фольклоре горняков Башкирии (по материалам фольклорных экспедиций Башкирского университета) // Фольклор народов РСФСР: современное состояние фольклорных традиций и их взаимодействие. Уфа, 1989. С. 31.
17. Блажес В. В. Труд и быт березовских старателей по народным преданиям // Из истории Уральского золота. Екатеринбург, 1995. С. 83.
18. Шахова Л. Н. К проблеме изучения мифологических корней фольклорной прозы Урала // Фольклор народов РСФСР... С.95.

Е.С.Бальжанова

ПОНЯТИЯ О ГРЕХЕ И ПРЕСТУПЛЕНИИ У КРЕСТЬЯН СРЕДНЕГО УРАЛА (XIX – НАЧАЛО XX В.)

Одним из главных факторов, влиявших на поведение мирян, было представление о грехе и воздаянии за него. Понятие греха — одно из ключевых в христианском вероучении: это сознательное неподчинение воле Бога, отпадение от Бога и подчинение сатане; нарушение действием, словом или мыслью данного Богом нравственного закона, религиозно-нравственных правил, заповедей; поступок, свидетельствующий о таком нарушении¹.

Церковное понимание внутреннего состояния сердца грешника дал игумен Антоний: «Человек, подпавший греху, всецело служит дьяволу. Он и любит более всего дьявольские похоти, любит разные греховные удовольствия; вся душа его предана грехам...Такой человек

уже утратил болезнь ко греху; он делает то, к чему побуждают его дурные наклонности, к чему стремится его развращенное сердце; он не страшится не только людей, но и Бога; не думает ни о жизни вечной, ни о страшном втором пришествии, когда должен будет дать отчет Вечному Судии в своих деяниях... Его соблазняет самолюбие, самолюбие; он воображает, что лучше других, что он может, поэтому, унижать, презирать и угнетать себе подобных»².

Выдающийся русский мыслитель Г.П. Федотов, говоря о моральном кодексе народа, выделял три группы грехов. Первая группа — грехи «против матери-земли и родовой религии». Сюда он включал оскорбление родителей, кровосмешение и детоубийство. Вторая группа грехов — против ритуального закона Церкви. «Она очень многочисленна и распадается на ряд нарушений, без учета их относительной важности, взятых не по их религиозному смыслу, а именно в их качестве норм закона, не терпящих своеволия...». К этой группе Федотов относил нарушения, касающиеся молитвы, земных поклонов, храмового богослужения, исповеди и причастия, поста. Третья группа грехов, по его мнению, связана с нарушением христианского закона любви. «Закон любви остается для народа очень важным содержанием закона Христова — лучшим свидетельством его христианства», — писал Федотов³.

В течение всего рассматриваемого периода судебная система Российской империи использовала такое важное для криминальной статистики понятие, как преступление. Преступление — это деяние, направленное против существующей в данный момент правовой нормы и вызывающее определенные репрессивные последствия. Во все времена далеко не все преступные деяния становились известными правоохранительным органам⁴.

Предлагаемая статья посвящена реконструкции крестьянских представлений о грехе и преступлении и выявлению их отличий от официальных понятий. Территориальные рамки статьи охватывают Средний Урал — в рамках бывшей Пермской губернии, хронологические — XIX — начало XX в.

Все деяния негативного характера в представлении крестьян Среднего Урала можно условно разделить на две группы: 1) чисто греховные; 2) рассматриваемые одновременно как грех и преступление. Следует отметить, что понятие греха было ключевым и для народной нравственности, хотя реальные градации степени греховности и методы воздействия на согрешившего человека определялись местной религиозной традицией⁵.

Непременным свойством человека, отвечавшего нравственному идеалу подавляющего большинства крестьян, являлась вера. Крестьянское сознание определенно связывало поведение человека с состоянием его веры. Судили о последнем по аккуратности посещения церкви, соблюдению постов и обрядов, хождениям на богомолья, но особенно по степени выполнения нравственных норм в целом. «Креста на тебе нет» — говорили человеку, совершившему бессовестный поступок. И наоборот, «живет по-божески», «живет по-христиански» — говорили о тех, кто был совестлив и милосерден⁶.

Грех в представлении крестьян — категория нравственно (религиозно)-этическая. Общие представления о грехе в том виде, в каком они жили в массе русских, не расходились с церковным православным учением. Но при конкретизации их в повседневной жизни, в применении их к определенным случаям эти представления могли несколько отклоняться от канонических: иногда в сторону усиления осуждения греха, расширительной трактовки того, что осуждается как грех; иногда же, напротив, в сторону послабления в осуждении и даже полного отрицания греховности некоторых поступков⁷.

Совершая личный грех, человек руководствовался лишь своей совестью и правом (а заодно и обязанностью) личной ответственности перед Богом. Недаром среди крестьян бытовали поговорка: «Чья душа в грехе, та и в ответе»⁸.

Самооценка православного мирянина в значительной степени определялась убежденностью в изначальной греховности человека, присущей ему от рождения; греховность, по мнению крестьян, неизбежно сопутствовала ему и в его земной жизни. Об этом свидетельствуют следующие пословицы и поговорки: «Грех да беда с кем не живет», «Огонь без дыму, человек без греха не бывает», «Один Бог без греха», «Рад бы в рай, да грехи не пускают»⁹. То есть грех воспринимался как обычная человеческая слабость.

К исключительно греховным действиям крестьяне относили потерю девушкой девственности до брака и ее распутное поведение, результатом которого часто была беременность.

Например, крестьянка Мария Григорьева Порохина (Черемисская волость, 1821-1823 гг.) не только потеряла девственность до замужества, но и была беременной, причем не от будущего мужа, а от солдата Симеона Зобнина, с которым она, по ее словам, «сходилась, где попало». Муж, зная об этом, подвергал неверную супругу побоям. Крестьянка называла блудодеяние грехом: «...Сего греха никогда в замужестве не чинила»¹⁰.

Священник Истокской Троицкой церкви Павел Левицкий в 1849 г. докладывал своему начальству, что прихожанка его храма, крестьянская девушка Соломея Меринова (дер. Подкорытова, Екатеринбургский уезд) родила младенца Ануфрия, который вскоре после рождения умер. Соломея в ходе следствия созналась, что она «помянутую беременность прижила с крестьянином Захаром Подрезовым, с коим она имела добровольно любодейственную связь и им же с ее согласия лишена девства»¹¹.

Судя по двум последним примерам, данный вид греховного действия (нецеломудренная жизнь до брака) совершался конкретным лицом сознательно, добровольно, следовательно, и ответственность лежала лично на нем.

Осуждение добрачных связей, как греховных, нашло отражение в песнях и частушках, собранных в различных местностях.

*Маменька родная
Мне рано волюшку дала.
Лет пятнадцати не боле
По вечерочкам пошла,
Себе задачу я нашла,
Худую славу приняла,
Худа славушка пройдет —
Никто замуж не возьмет, —*

пели, например в Пермском уезде в последних десятилетиях XIX в.¹².

*Не ходи мило сада,
Не прокладывай следа,
Путь дорожку не тори,
Худу славу не клади!
Худа славушка пройдет,
Никто в замуж не возьмет,
Не посватается.
Отцу-матери — несчастье,
Роду, племени — укор, —*

записал один из собирателей в начале 1891 г. в Соликамском уезде¹³.

Судя по приведенным текстам, для крестьянской общности более всего важны были те последствия, к которым приводило нецеломудренное поведение девушек и легкомыслие парней: слухи, молва, осуждение со стороны общины, пятно на репутации семьи, вероятность не выйти успешно замуж.

Господствовало мнение, что «порядочная» девушка должна оставаться целомудренной до замужества. Во всех вариантах свадьбы, описания которых дошли до нас от XVIII-XIX вв., присутствовал обязательный осмотр рубашки, в которой новобрачная впервые принимала мужа «на брачном ложе». Если обнаруживалось, что родители не смогли «уберечь» невесты, над ними подшучивали: подавали им за столом стаканы без дна и пр. В одной из местностей Пермской губернии в случае, если невеста оказывалась не девственницей, на шею свахи или матери невесты надевали хомут. Когда же все обстояло благополучно, по прибытии родителей невесты в дом их щедро угощали, а свахи бросали им под ноги корчаги или горшки, приговаривая: «Вот, любезные сватовья, ради молодых нам ничего не жалко, все будем ломать да бить (называли имя и отчество невесты), не постыдила себя и нас в бесчестье не привела, в хомут не посадила! Ну и вам спасибо, что сумели вспоить, вскормить дитяtko не на смех добрым людям»¹⁴.

Понятно, что каждой девушке хотелось сохранить хорошую репутацию и в день свадьбы публично продемонстрировать свою «честность». В отдельных районах «девица», имеющая ребенка, не могла надеяться на замужество.

Молодежь обычно подсмеивалась над «прохудившимися» девицами. Правда, существовала пословица: «Не смейся, братец, над чужой сестрицей, своя в девицах»¹⁵. Если в деревне оказывалось немало приверженец «легких нравов», дурная репутация закреплялась за всеми деревенскими девушками. В песне, записанной А. Н. Зыряновым в середине XIX в. в Шадринском уезде, по словам самого собирателя, «довольно удачно» характеризовались «нравы и занятия девушек, живущих в шадринских селениях»:

*А где каки девушки?
А ешто где каки голубушки?
Шадрински — калашницы,
А осеевски — кисельницы:
Тарабаевски — квас продавать.
Тушановски — рукавицы вязать...
В Позвонковой девки маленькие —
В косах ленточки алинькие.
Коврижские — коренье копать.
Ячменевские — себя заедать.
В Загайновской — дома толсты:
Тамо девушки на все дело просты.*

*Крутихинские спасались —
По семи на сон бросались...
А максимовски — догадушки:
Оне, курвы, догадывались,
У дверей пяты подмазывали,
Крутихинских робят подманивали¹⁶*

Трудно представить, чтобы все «девки» в дер. Загайновской оказывались «просты» на известное «дело», но репутация уже была припечатана. Если кто-либо из парней заводил «интригу» в чужой деревне, и об этом становилось известно, местная молодежь могла подкараулить влюбленных в момент их близости и подвергнуть осмеянию. Окна и стены дома, в котором жила утратившая «девство» девица, а также ворота иногда вымазывались дегтем; могли просто повесить на воротах выпачканную в дегте дохлую курицу¹⁷.

О стремлении девушки, забеременевшей до брака, а также ее родных скрыть этот грех при помощи замужества, свидетельствуют материалы дела о Сусанне Кондаковой (Троицко-Александровская волость, 1896 г.), родители которой хотели заставить ее «сожителя» Александра Долгорукова жениться на ней. Для этого они обратились в суд, но сама девушка просила прекратить дело: «...Я добровольно вступила в любовную связь с мастеровым Александром Петровым Долгоруковым, который был холост и обещал взять меня замуж. От любовной связи с Долгоруковым я родила на Пасхе 1895 г. младенца, окрещенного Ларионом»¹⁸. Случалось, что парень, похитивший «невинность» своей подруги, изъявлял немедленную готовность жениться на ней. Так, Александр Михайлов Власов, крестьянин Нижне-Сергинского завода (1858-1859 гг.), который успел стать отцом незаконнорожденного ребенка, утверждал: «Соседку свою, крестьянскую дочь, девку Домну Иванову Чекасину, я довольно знаю, с которою жил дружно, любил ее так, что имел неотложное намерение на ней жениться, от чего и в настоящее время не отрекаюсь, несмотря на то, что ныне она разрешилась от беременности...»¹⁹.

Крестьянская «девица» Мария Яковлева Серебренникова (Березовский завод, Екатеринбургский уезд, 1896 г.) в прошении на имя судебного следователя 5-го участка Екатеринбургского уезда признавалась: «Крестьянин Березовской волости и завода Михаил Павлов Калташев полтора года имел со мною незаконное сожитие, последствием чего было рождение мною ребенка; в настоящее время Калташев меня оставил и не дает на пропитание ни мне, ни ребенку...».

Призванный к ответу Каоташев не отрицал, что «имел сожитие с Серебренниковою» однако признать ребенка своим отказался, поскольку, по его утверждению, Мария, «кроме как со мною, имела сношения и с другими парнями»²⁰.

Судя по приведенным данным, в крестьянской общине действовали такие механизмы социального контроля, как стыд и вина — «стыд как ориентация на внешнюю оценку (что скажут или подумают окружающие?) и вина как ориентация на самооценку, когда невыполнение какой-то внутренней, интернационализованной нормы вызывает у индивида угрызения совести (самообвинение)»²¹.

Можно заключить, что в представлении крестьян Среднего Урала нецеломудренное поведение молодежи до брака являлось греховным, но не преступным. Совершение данного греха молодежью было делом личным, добровольным и сознательным. При этом общественным мнением в большей степени осуждалась девушка, хотя немалая доля вины возлагалась и на парня.

Одним из тяжких грехов, отвечать за который, как полагали крестьяне, придется уже на «том свете», был грех самоубийства. Страх перед неминуемым наказанием (моления за самоубийцу были запрещены, так что ожидать ему прощения не приходилось) удерживали нередко крестьян от суицида. Однако случаи самоубийства все же были. Одной из причин являлись притеснения, которым женщина подвергалась со стороны родственников мужа. Например, крестьянка Шайтанского завода Прасковья Степанова Романова (22 года, 1849 г.) намерение лишить себя жизни объясняла тем, что свекровь и сноха, жившие в одном с ней и ее мужем доме постоянно ругали и преследовали ее, осуждали любые ее действия. В конце концов, Прасковья повесилась. На суде муж признался, что она действительно подвергалась преследованиям, добавив, что сам ничем не мог ей помочь. По его утверждению на Прасковье он женился против желания матери, почему та и не хотела оставить ее в покое Прасковью Степанову в жены против желания матери, что и вызвало негативное отношение к жене²².

Крестьянка Ксения Кунникова, 24 лет (дер. Трошкова, Коневская волость, 1858 г.), решила прибегнуть к самоубийству тоже из-за тяжелой ситуации в семье. Семья бедствовала, и Трифон большую часть времени проживал в другой деревне, где служил в работниках. Когда же он оказывался дома, беспощадно избивал Ксению. В отсутствие мужа побои ей доставались от свекра. «Свекор, — жаловалась женщина, — не знаю чем-то бил меня по спине и по ногам, от чего

имеются на теле у меня синебагровые знаки. О намерении своем к лишению себя жизни я никому не говорила и решилась на это только в 12 число марта». К счастью, попытка самоубийства не удалась.

Аксинья Игнатьева Лобканова, 22-х-летняя жительница с. Биликульского вознамерилась (1872 г.) зарезать себя ножом в бане. Однако помешал свекор, который отвел ее в волостное правление. «Лишить себя жизни я хотела потому, что муж мой Иван Васильев, свекор Василий и свекровка Екатерина со мною жестоко обращаются, ни одного дня не проходило, чтобы кто-либо из них не побил меня, а если в какой день меня не побьют, то, во всяком случае, мне не дают проходу, все меня ругают», — заявила Аксинья волостному начальнику²³.

Жестоким обращением с ней мужа, который к тому же «прелюбодействовал» с падчерицей, обосновывала свое желание покончить счеты с жизнью крестьянка с. Закамышловского Федосья Семенова Козлова (1871 г.)²⁴..

И.И. Беляustin в «Письмах к православному» писал: «...Будни, без исключения все, должны быть употребляемы на нашу житейскую деятельность — на труд, на работу, на торговлю, на ученье, словом на всякое дело, какое только есть у кого; а в праздник обыкновенные житейские дела, без исключения все, должны быть оставлены и весь праздничный день должен быть посвящен собственно и безраздельно на такие только дела, которые или прямо относятся к Господу Богу или совершаются во имя Его. Значит, лень, праздность, ничего неделанье в будни, есть грех, т.е. нарушение заповеди Божией; точно также грех — житейские дела в праздник, т.е. работа, торговля и т.п. А как всякое дело, которое делается с нарушением заповеди Божией, т.е. с грехом, поэтому самому не только не получает благословения Божия, но еще неизбежно заслуживает наказания, то отсюда и выходит, что иной бьется и хлопочет изо всех сил целую жизнь, и все ни к чему: с начала до конца все дела его дурны, неуспешны и не доставляют ничего кроме скорбей и нужд...Храмовый праздник для прихожан этой церкви так же обязателен, как все великие праздники для всех православных христиан»²⁵.

Крестьяне полагали, что праздник — не менее богоугодное дело, чем работа. Праздники не только приносили отдых от тяжелого труда, но и имели сакральный характер — они предназначались для посещения церкви и исполнения религиозных обрядов. Крестьяне были убеждены, что работать в воскресенье и церковные праздники грешно и бессмысленно: то, что приобретается в праздник, теряется в

будни. У праздников имелся еще один важный аспект: это был способ выйти за пределы каждодневных забот и рутины, подняться над повседневностью со всеми ее невзгодами, трудностями, лишениями, обязанностями, несправедливостью и оказаться на время в мире радости, беззаботного веселья и свободы. В праздник крестьянин никому не подчинялся, никого не боялся — это была зона, недоступная для помещиков и властей²⁶.

Не все следовали требованиям веры и церкви. Так, жители с. Ключи (Осинский уезд, 1860-е гг.) в воскресные и праздничные дни в основной своей массе не работали, однако некоторые проводили их в пьянстве, нарушая общественную тишину и спокойствие. Местное сельское общество, собравшись на сход, постановило: «Всех тех однообщественников, кои будут напиваться до пьяна в воскресные и праздничные дни до окончания божественной литургии или хотя после оной, но будут ходить в пьяном виде по селению с произношением сквернословных и других неприличных выражений, а также и тех, кои будут производить драки и буйства, штрафовать каждого (помимо иска подвернувшегося обиде лица) в пользу мирского общественного капитала одним рублем серебром, не освобождая от этого штрафа женщин, допустивших подобные поступки»²⁷.

Как грех воспринималось веселье на беседах в Великий пост. Одна из жительниц с. Кашинского (Камышловский уезд, 1881 г.) говорила местному священнику: «Как то и стыд тебя берет, если вспомнишь об этих беседах. Что греха таить, было дело, веселилась и я грешная на беседах в пост, когда была помоложе...»²⁸.

В церковной ведомости по Парасковиевской церкви в с. Савинском (Камышловский уезд) за 1898—1902 гг. среди недостатков религиозного воспитания прихожан назывался «искони введенный обычай прихожан заниматься работами на водяных мельницах в воскресные и праздничные дни (исключение допускается ради Пасхи, праздников Р. Христова, Крещения и Благовещения). Такой ненормальный обычай объясняется тем, что владельцами мельниц являются многие члены сельского общества на товарищеских правах и работа для каждого члена распределена по очередным дням, и из этих очередных дней не исключены воскресные и праздничные дни»²⁹.

Нежелание проводить время в праздности, а также опасение не успеть, например, завершить полевые работы подчас пересиливали опасение совершить греховный поступок. В подтверждение можно привести запись беседы священника И. Слоцова (Усть-Косвинский уезд, Соликамский уезд) с одним из местных крестьянином: «Да в

чем мне, батюшко, каяться-то? Особенных грехов у меня нет: грешен, только иногда напиваюсь до пьяна да матькаюсь (сквернословлюсь), — в этом грешен, а то какие же у меня грехи?» — «Ну а разве не грех и не великий грех, что вот в целый год ты только раз сегодня и был в церкви? Ведь я тебя ни в один праздник не видал в церкви ни у обедни, ни у утрени. Значит, ты в это время работаешь, а потому опять и грешишь!» — «Да что же за грех такой — работа? Ведь я в праздники-то не жну, не кошу, не молочу, дров не рублю, а только около дому: — то за сенцом съезжу, то за дровцами, то соломки привезу, то лапти сплету, — какая же это работа? Я и делаю это потому, что в будни-то мне не удастся; ведь ты, батюшка, знаешь, что я одинокий». — «Так-то оно так, да все ведь грешно: тебе Бог отдал для работы шесть дней из недели, а седьмой, т. е. праздничный, взял себе, а ты и тот у Бога отнял да и говоришь, что грехов у тебя нет». — «Оно, точно, батюшка, выходит неладно, да все как-то не знаю, как бы это сделать, чтобы почаще ходить на исповедь-ту? Придет Великий пост, а тут и работы-то больше, — хлеб надо домолотить, на караван надо плыть, ну когда тут успеешь?»³⁰.

Четко понятие греха прослеживается в массовом сознании уральских крестьян в отношении к насильственному прерыванию беременности и детоубийству. «Мораль женщины соответствовала морали того общества, в котором она жила и которое, до известной степени, контролировало ее поступки. Эта мораль запрещала ей предпринимать какие-либо шаги к уничтожению зародившегося ребенка, поскольку он, в соответствии с христианским учением о сущности человека, считался с первого момента живым самостоятельным существом (как говорили, “сразу на учете у Бога”). Женщин, совершивших подобное и способствующих им, называли “душегубцами”: “Нет греха больше, чем вытравить плод, это душегубцы, проклятые Богом”, — такова была нравственная позиция народа»³¹. По правилам православной церкви за «плодоизгнание» на женщину накладывалась епитимья. В крестьянских грациях о степени греховности оно приравнивалось к убийству.

Крестьянки, совершившие детоубийство, подвергались светскому суду, отсюда — большое количество дел, заведенных на них. Интересно, однако, установить, что об этом думали сами подсудимые, а также их родственники, друзья, соседи, односельчане. В 1852-1854 гг. расследовалось дело по обвинению в детоубийстве крестьянки Евфросины Ивановой Вдовиной (17 лет). Сама девушка рассказывала о случившемся: «В понедельник на нынешней неделе (12 числа)

разрешилась я от беременности, прижитой мною с крестьянином Ревдинского завода Егором Замятиным... Как совершилось это преступление, т.е. какие причины побудили к нему, стыд ли или что другое, рассказать не умею... В распутство я вдалась другой или третий год тому назад, верно не упомню, но в ремесло этого не обращала. Показываю все по справедливости, без малейшей утайки и без принуждения... совершить преступление, в котором ныне сознаюсь, меня никто не научал». Получалось, что девушка, забеременевшая до брака, хотела избавиться от плода своего греха, убив родившегося ребенка. По крестьянским понятиям она совершила два греховных действия: утратила девственность до брака и убила ребенка. Мать юной преступницы призналась, что узнала о трагедии до того, как всё открылось. «Поверя дочери и не желая оглашать ее проступок, я решилась молчать о происшедшем, — рассказывала она. — ... С кем прижила Евфросинья рожденного ею ныне младенца не знаю, даже до нынешнего я считала ее с добрым поведением, не подозревая, что она пустилась в распутство». По словам отца, жена и дочь не стали вводить его в курс дела. «О беременности дочери моей Евфросиньи и рождении ею ныне младенца мне ничего не известно, и даже не знал я, что она развратилась в поведении», — утверждал он. Примерно то же говорил на следствии и брат девушки: «...И даже вовсе не знал, что сестра моя развратничала».

Анализ следственного дела позволяет заключить, что в крестьянской среде греховными считались добрачная связь девушки и ее беременность — общественное мнение осуждало человека, грех которого был у всех на виду. Показательны слова, которыми характеризовались допрашиваемыми добрачные отношения: «распутство», «развратничала», «развратилась в поведении». Что касается убийства ребенка, то для крестьян это было преступление, и кара ей за это, по их убеждению, полагалась по закону.

Екатеринбургский уездный суд постановил: «Крестьянскую девку Евфросинью Иванову Вдовину, 17 лет, родившую блудноприжитого младенца и лишившую его жизни... лишив всех прав состояния, как несовершеннолетнюю по 145 стат. наказать чрез полицейских служителей розгами десятью ударами и сослать в Сибирь на поселение в менее отдаленных местах, где для очищения совести предать ... церковному покаянию по распоряжению местного епархиального начальства...»³².

Два года тянулось разбирательство дела по обвинению в «истреблении плода» крестьянской девушки Маремьяны Чудиновой из Виль-

венской волости Чердынского уезда. Началось всё с того, что соседи обнаружили: беременная Чуди нова оказалась вдруг «простая» (1825 г.). Стали выяснять, куда исчез плод. Маремьяна отвечала, что беременной не была, у неё лишь случилась задержка «регул», теперь же ситуация нормализовалась. Из волости дело передали в уездный суд. Однако 26-летняя «девица» продолжала стоять на своем: беременной не была и никакой вины за собой не знает. Единственное, в чем ее заставили признаться (уже в самом конце расследования), — это в утрате ею своей девственности: Чудинова заявила, что однажды в лесу на ее напал «неизвестный человек».. Дело в итоге было закрыто за отсутствием доказательств преступления, хотя за Маремьяной закрепилась плохая репутация³³.

В числе тех, кто оказывался под судом за детоубийство, были и вдовы. Так, вдова Мавра Семенова Антропова из дер. Сергеевой (Красномыльской волости, Пермской губернии) в 1874 г., по ее уверению, родила «незаконного» мертвого ребенка. Однодеревенцы, однако, предположили, что она намеренно умертвила новорожденного. Но и на суде Мавра продолжала утверждать: «... Ребенок как родился и не кричал... раньше у меня ребята всегда кричали. Но я сама, вот как Богу, так и вам говорю, что никаких мер к умертвлению ребенка не принимала и никогда не согласилась бы умышленно лишить его жизни...»³⁴.

Вообще во всех случаях убийства незаконнорожденных детей крестьянами в действиях виновных греховная часть и преступная. Преступлением считался сам факт насильственного лишения жизни, грехом — нецеломудренная жизнь и опять же — убийство ребенка, за которое виновнице придется держать ответ не только перед судьями, но и перед Богом.

Супружеская неверность тоже считалась грехом, но преступлением она становилась тогда, когда потерпевшая сторона привлекала неверную к суду и требовала развода, т.к. святость брака была нарушена. При этом крестьяне более жестко осуждали неверность жены, чем мужа. Показательно в этом отношении письмо крестьянина Каллистрата Дмитриевича Лоскутникова (Камышловский уезд, Калиновская волость, 1909 г.) в Екатеринбургский окружной суд: «Жена моя, Устинья Павлова Лоскутникова, ведет нетрезвую и распутную жизнь, иначе говоря, нарушает святость брака прелюбодеянием (о чем уже мною было возбуждено преследование пред Вашим высокородием в уголовном порядке), и ее мать, а моя теща, крестьянка Лукерья Ивановна Моткина 16-го сего ноября среди улицы накрыла ее на прелюбодейном действии с посто-

ронним мужчиной (как это я уже узнал позднее), стала ей выговаривать ... когда я пришел с работы вечером в квартиру, «что как это ты ведешь такую скверную жизнь, Бога ты не боишься, людей не стыдишься, ведь у тебя малолетние дети»...»³⁵. Крестьянин подал на «распутную» супругу в суд, поскольку, по его словам, не мог вытерпеть позора. Общественное мнение сочло действия Устиньи греховными и поддержало Каллистрата, когда он вознамерился с ней развестись.

В Красноуфимском уезде Пермской губернии, по свидетельству жителя с. Торговижского А.Н.Гладких, крестьянами строго осуждались «бегавшие» на сторону от своих мужей «бабы» — строже, чем «мужики», изменявшие женам. «Отец с матерью — говорят — отдали, дак любо-не любо — живи, не бегай»³⁶. Негативное отношение к «неверным» женам нашло отражение и в фольклоре. Можно привести в качестве примера притчу, записанную А.Н. Зыряновым в Шадринском уезде (середина XIX в.) — «Жона забыла мужа». «Была кака-та жона безутешная, похоронившая мужа. С могилы не идет она, плачет по ём — сташить не могут. «Не троньте, — говорит, — меня, заревусь на могиле!» Но, проплакавши два дня, на третий день она сошла с солдатом, сторожившим неподалеку от кладбища «мертвые тела» «на виселицах». Когда же «караульщик» обнаружил, что пока он развлекался со вдовой («всю ночь прогарцовали»), кто-то украл одно из «мертвых тел», то «баба» его успокоила: «Што ты, душка, испужался? Пойдем, выкопам вон моева-та мужа да и положим заместо ворованова... Кто узнал?» Поведение «безутешной» вдовы оценивалось как безнравственное. «Вот, каковы жены-то!» — в заключительных словах притчи звучит явная укоризна³⁷.

В 1890 г. крестьянин Екатеринбургского уезда Иван Ефимов Ахлюстин подал на имя преосвященного Поликарпа прошение, в котором обвинял свою жену в «прелюбодеянии» с проживающим в Каслинском заводе дворянином Александром Евлампиевым Обуховым, «каковым тяжким преступлением она, жена моя Анна Косьмина, вынудила меня к разводу...»³⁸. В данном случае неверность супруги была названа «преступлением».

Священник П. Кыштымов сообщал, что в Шадринском уезде «супружеская верность не всегда сохраняется. Мужчины и женщины, обличенные в нарушении супружеской верности, носят позорные имена»³⁹.

В «Статистическом обозрении Пермской губернии» отмечались следующие последствия распространения «распутства» и безнравственности в народе: «Потеря нравственности, которая обнаруживается в разврате и пьянстве, также немало похищает жертв из среды народа.

В госпиталях всегда есть пораженные сифилитической болезнью, не говоря о тех, которые гибнут от нее внутри семейств. Распутству же следует приписать и смерть младенцев, брошенных тайно матерями, во избежание позора: таких подкидышей, в 1843 году, найдено в губернии живых 25, мертвых 5»⁴⁰..

Таким образом, можно заключить, что супружеская неверность считалась крестьянами грехом и преступлением одновременно, однако с перевесом в сторону греха. Это как раз тот разряд преступных действий, когда не все из них могли стать известными правоохранительным органам.

Как грех и как преступление одновременно воспринималось крестьянами убийство. Одной из причин совершения убийства являлось желание скрыть грех (например, супружескую неверность). Так, крестьянин Елисей Шестаков (Вильвенская волость, Чердынский уезд, 1803 г.) был убит любовником его жены. Инициатором убийства являлась Матрена Шестакова, которая подозревала, что муж знает о ее измене. Она подговорила Леонтия Пантелеева (своего любовника) и его брата Пахома убить супруга, что и было сделано. «Ударом кола Леонтий уложил Елисея и, еще ударив лежащего несколько раз, снесли его за четыре версты к озеру, положили за армяк камней и бросили в озеро»⁴¹. На следствии виновные сознались в совершении убийства.

Впрочем, причины убийства были разными. Так, крестьянин Иван Пантелеев (Васильевская волость, Чердынский уезд, 1808г.), женившись, жил лет десять в доме отца, который с первого же дня невзлюбил сноху. Ни заступничество мужа, ни угодливость снохи не изменили положения, и жизнь в доме стала каторгой. Соседи не требовали от отца Ивана изменить свое поведение, а лишь всячески настраивали против него сына. В результате И. Пантелеев решился убить отца в лесу. Ударом топора по голове он уложил его на месте, свалил на него воз дров, чтобы подумали, что мужчина оказался задавленным дровами. Когда священник отказался без свидетельства хоронить убитого, сын признался в преступлении⁴².

Молодой 20-летний парень Павел Худяков (Чердынский уезд, 1809 г.) женился осенью 1809 г. на молоденькой 17-летней девушке, которая с первого же дня замужества почувствовала отвращение к своему мужу. Муж упрекал ее в холодности, но жил «смирно». В декабре (с 11-го на 12-е число) 1809 г. муж, вернувшись домой после работы, лег на печь, куда явилась и молодая жена, попросив его раздеться, что он и исполнил. Ощупав сначала шею, потом живот, она всадила

ему в пах с левой стороны нож. Он успел нож вырвать, началась борьба, и женщина, видя, что мужа не осилить, убежала в овин, где переночевала, а затем убежала в соседнюю деревню. Там ее и арестовали. Муж вскоре умер. Жена во всем и сразу чистосердечно призналась⁴³.

Матвей Удилов (Брусаянская волость, 1817-1819 гг.), обвиненный в убийстве своей жены, судом не был уличен в преступлении. Но позднее он фактически признался в содеянном, заявив: «...Грех его к нему пришел, когда жена его убила у огорода на навозной куче и найдена соседями ... по сему правительству, что хочет, то с ним и делай»⁴⁴. Выяснилось, что жену крестьянин убил случайно, во время ссоры, в состоянии аффекта.

Житель дер. Ольховка (Осинский уезд, 1851 г.) Сергей Овчинников убил свою жену Екатерину сознательно. Дело было так: 13 августа он с женой пришел на поле, чтобы рвать лен. Но прежде, чем приступили они к работе, начался дождь, от которого они укрылись под елью. Когда ливень закончился, жена решительно отказалась от работы. Тогда «за послушание он сильно ударил ее по косице и сшиб с ног; потом, видя, что жена его от этого удара лишилась чувств, он испугался и побежал домой, но, отбежав на значительное расстояние, ему показалось, что жена зовет его и просит ее добить. Вернувшись назад и найдя жену в том же бесчувственном положении, он нанес ей по голове и крыльцам удары обухом топора, и потом, простившись с мертвой, ушел домой»⁴⁵. Добровольное признание Овчинникова в преступлении (он сам пришел с повинной), по мнению крестьян, свидетельствовал о его раскаянии.

Богохульство и кощунство оценивались уральскими крестьянами, как преступления, подлежащие наказанию. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные факты обращения крестьян в Екатеринбургский окружной суд⁴⁶ по поводу того или иного богохуления или кощунственных слов, произносимых другими крестьянами. Это могли быть оскорбления святых, государя императора, кощунственные действия и слова в отношении икон, св. мощей, матерная брань в адрес Бога, Богородицы. Как правило, обвинявшиеся крестьяне совершали или произносили все это в состоянии опьянения. В подобных случаях интересна реакция на случившееся крестьян-свидетелей.

Так, крестьянин Березовского завода (Екатеринбургский уезд) Николай Федоров Волков 29 июня 1901 г. «в пьяном виде» обругал Бога, Богородицу и православную веру. Свидетель этого, крестьянин того же завода, при допросе отказался повторить ругательства, так как считал их

произнесение грехом⁴⁷. Житель дер. Антракской (Шадринский уезд, Яутлинская волость) Никита Варфоломеев Сбродов подал прошение (1902 г.) о привлечении крестьян с. Катаракского (Елисея Рябова и Ивана Котлова) к «законной ответственности за произношение хульных слов на святую православную церковь и ее таинства». Оказавшиеся свидетелями происшедшего крестьяне поддержали просителей⁴⁸.

Открытое неуважение к церковным обрядам, кресту и вере проявил крестьянин Невьянского завода (Екатеринбургский уезд, 1905 г.) Яков Алексеев Бердников, произнесший «матерную брань» и сознавшийся в этом⁴⁹. 26 октября 1906 г. в Екатеринбурге на рынке крестьянка Епистимия Шмырова громко ругалась «скверными словами». Проходивший в это время мимо нее крестьянин Николай Алексеев, обратившись к ней, сказал: «Что ты Бога-то не боишься, как не совестно». «В ответ на это Шмырова при свидетелях-очевидцах произнесла скверно-матерную брань и по отношению к Богу»⁵⁰. В трезвом виде, по свидетельству местного сельского старосты, крестьянин Михаил Федоров Телицын (Верх-Исетская волость, 1908-1910 гг.), обвиняемый в кощунстве, никогда не позволял себе учинять какие-либо безобразия и бесчинства⁵¹. В богохульстве обвинялись крестьяне Иван Григорьев Шаманаев (дер. Мостовая, Черемисская волость, Екатеринбургский уезд, 1910 г.), Михаил Архипов Вернигоров (с. Покровское, Верхотурский уезд, 1911 г.), Александров Павлов Слободчиков (дер. Шилова, Екатеринбургский уезд, 1911 г.) и др.⁵². Как правило, при опросах свидетели утверждали, что виновники в трезвом состоянии никогда не позволяли себе богохульствовать или кощунствовать. Вообще при оценке кощунства и богохульства понятия греха и преступления в сознании крестьян как бы сливались: с одной стороны, это — преступление, так как наказывалось законом, с другой — грех, т.к. действием или словом нарушались религиозно-нравственные правила.

К явным преступлениям крестьяне относили «площадную» брань в адрес Бога, Богородицы, Церкви или церковных таинств. В этих случаях они, не колеблясь, доносили на виновников в соответствующие органы. Так, при рассмотрении дела крестьянина Константина Ловыгина (дер. Кашина, Екатеринбургский уезд) свидетелями особо подчеркивалось то, что он ругался «площадной» бранью в адрес Бога, Богородицы и креста. Обвиняемый виновным себя не признал, но уточнил, что был пьян «до бесчувствия» и ничего не помнит, в трезвом же виде привычки ругаться не имеет⁵³.

Признаки преступления (кощунства) крестьяне усматривали в назывании какого-либо неодушевленного предмета Богом, Богороди-

цей или святым. Например, крестьянин Григорий Александров Слободчиков (дер. Шилова, Екатеринбургский уезд, 1913 г.), обращаясь к находившейся на столе гармонии, назвал ее Богородицей, за что тут же был подвергнут осуждению присутствующими⁵⁴.

Юрист С.Л. Чудновский, сравнивавший в конце XIX в. государственное законодательство с теми нормами, которыми руководствовались крестьяне в отношении к преступнику, писал: «Уголовный закон радикально и, так сказать, принципиально расходится с обычным воззрением народа в основном отношении к преступлению и преступнику: в то время как уголовный закон в преступнике видит “злую волю”, сознательно стремящуюся нанести вред целому обществу и отдельным его членам, обычное мировоззрение видит в преступнике главным образом “несчастливого”, жертву несчастно сложившихся обстоятельств. Первый исходит из того, что общество не только вправе, но и обязано карать преступника, отомстить ему за содеянное им преступление, народ же в своем обычно-правовом мировоззрении полагает, что общество должно и вправе ставить преступника в такое положение, чтобы сделать его безвредным для общества и при этом не столько карать его, сколько исправлять и наставлять»⁵⁵. Все это относится и к русским православным крестьянам Урала.

Определение понятия «преступление» дано, например, в «Деделе по обвинению крестьян Брусянской волости Петра и Ивана Бедриных в изнасиловании жены крестьянина Марьи Бедриной (1821—1822 гг.)». Муж пострадавшей, Иван Петров Бедрин в своем прошении на имя императора Александра I дал следующее определение изнасилованию как преступлению: «непозволенное законом насильственное событие»⁵⁶.

Что касается представлений крестьян о мерах воздаяния за грехи и преступления, то ими различались три вида наказания. Прежде всего, это Божья кара, которая ожидала человека за совершенные грехи, т.е. человек лично отвечал перед Богом за свои деяния. Относительно понимания крестьянами Божьей кары, диакон Благовещенского собора Евгений Золотов отмечал: «Если присмотреться к быту крестьян, то можно придти к заключению, что они ко всяким своим несчастьям относятся фаталистически. И редко, редко сами собой, без побуждения внешних влияний, что-нибудь предпринимают относительно предохранения себя в разных несчастных случаях. Оправдание и утешение в таких случаях они находят в том, что так-де Богу угодно, что больше Бога не будешь, что Бог посылает на них такое наказание, или испытание за грехи и т.п. И замечательно то, что крестьяне, хотя и сами сознают в разных несчастьях карающую силу Божию, но и при созна-

нии редко стараются исправиться, усовершенствоваться нравственно и этим, так сказать, предотвратить гнев Божий»⁵⁷.

Сохранились записи XIX в. поговорок крестьян о Божьей каре (Пермская губерния): «Божья милость — та гроза, при которой молнией кто-либо убит или что-либо сожжено», «Бог-от видит, кто кого обидит», «Бог-от накажет, никто не укажет»⁵⁸.

Во-вторых, это внутриобщинные «репрессии»: осуждение, бойкот совершивших грех или преступление.

В-третьих, это наказание, вынесенное судом. Оно включало как светскую сторону (ссылка, каторга, тюрьма), так и церковную (епитимия).

Таким образом, можно выделить два главных фактора, влияющих на поведение крестьян Среднего Урала: представления о грехе и преступлении и воздаянии за них. Все негативные действия в понимании крестьян можно разделить на две крупных группы: это чисто греховные действия (нецеломудренная жизнь и беременность до брака, самоубийство, нарушение святости воскресных и праздничных дней) и дела, считавшиеся одновременно грехом и преступлением (детоубийство, супружеская неверность, убийства, богохульство и кощунство). Грех был личным делом каждого человека, отвечать за него также нужно было лично перед Богом. Преступление затрагивало интересы общества, поэтому рассматривалось и наказывалось по решению суда. Кроме того, действенным наказанием человеку за совершение того или иного поступка (как греховного, так и преступного) было общественное осуждение, внутриобщинные «репрессии».

Как отмечает Б. Н. Миронов в своем исследовании, касающемся Российской империи в целом⁵⁹, крестьяне оставались глубоко религиозными еще в первые десятилетия советской власти. Проведенный анализ источников показывает, что, несмотря на проходившую со второй половины XIX в. секуляризацию массового сознания, те понятия о грехе и преступлении, которые складывались на протяжении многовековой истории православия в России, продолжали бытовать в крестьянской среде на Среднем Урале на протяжении XIX — начала XX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Складневская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000. С. 72.

2. Игумен Антоний. Внутреннее состояние сердца человеческого. М., б.г. С. 5.

3. Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 84-86.

4. Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX — начале XX в. // Отечественная история. 1998. № 1. С. 25.
5. Русский Север: этническая история и народная культура. XII — XX века. М., 2004. С. 713.
6. Громыко М.М. Традиционный нравственный идеал и вера // Русские. М., 1997. С. 654.
7. Громыко М.М. Покаяние в народной жизни. Понятие греха и кары Божьей // Православная жизнь русских крестьян XIX — XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С.219.
8. Дополнение к сборнику пословиц и поговорок В.Г.Олесова // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1884. Т. VII. Вып.4. С. 219.
9. Сборник пословиц и поговорок, записанных в Камышловском уезде В.Г.Олесовым // Там же. С. 196, 206, 208.
10. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 644. Л. 13 об.
11. Там же. Д. 148. Л. 33 — 33 об.
12. Слова, пословицы, поговорки, приметы и песни, записанные в Пермском уезде Ф.Н.Панаевым // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1890-1891. Т. XII. Вып. 2. С. 62.
13. Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, записанные в Александровской волости Соликамского уезда Пермской губернии в 1890 и 1891 гг. П.А.Некрасовым // Там же. Екатеринбург, 1901. Т. XXII. С. 191.
14. Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Любовь и семья у крестьян в старину: Урал и Сибирь в XVIII — XIX веках. Челябинск, 1997. С. 28-29.
15. Сборник примет, поверий, пословиц и загадок, записанных в Ирбитском уезде // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1876. Вып. 2. С. 115.
16. Зырянов А.Н. Песни, записанные в Шадринском уезде // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. С. 110.
17. Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Указ. соч. С.31-32.
18. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 103. Л. 20.
19. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1616. Л. 7.
20. Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 104. Л. 13 об., 23 об.
21. Кон И.С. Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры // Социальная психология личности. М., 1979. С. 86.
22. ГАСО. Ф. 12. Оп.1. Д.694. Л. 31 об.-32; Д. 1608. Л. 5 об.
23. Там же. Ф. 476. Оп. 1. Д. 197. Л. 6.
24. Там же. Д. 195. Л. 29.
25. Белюстин И.И. О церковном богослужении. Письма к православному. СПб., 1865. С. 81-83.
26. Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 329.
27. Кобелев А. Село Шляпники Осинского уезда // ПГВ. 1871. № 35. С. 176.
28. Воскресные беседы в селе Кашинском Камышловского уезда // ПЕВ. 1881. № 39. С. 425.
29. ГАСО. Ф. 256. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.
30. Словцов И. Нравственное состояние Усть-Косвенского прихода / ПЕВ. 1871. № 32. С. 428-429.

31. Листова Т.А. Народная религиозная концепция зарождения и начала жизни // Русские. С. 686.
32. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1483. Л. 8-8 об., 9 об., 10 об. — 12, 41, 56 об. — 57.
33. Подробный указатель дел Пермского исторического архива. Дела уголовные Чердынского уездного суда // Тр. Пермской гу. Ученой архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. II. С. 160.
34. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1570. Л. 5-6 об., 22-22 об., 109; Ф. 476. Оп. 1. Д. 180. Л. 21-21 об.
35. ГАСО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 59. Л. 53.
36. Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Указ. соч. С.254.
37. Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2. С. 165.
38. ГАСО. Ф. 6. Оп.4. Д. 83. Л. 97-97 об.
39. Кыштымов П. Этнографические сведения о жителях Пермской губернии Шадринского уезда Песчанского сельского общества Верхтеченской волости // Шадринская старина. 1998. Краеведческий альманах. Шадринск, 1998. С. 55.
40. Статистическое обозрение Пермской губернии // ПГВ. 1846. № 24. С. 88.
41. Подробный указатель дел... С. 150-151.
42. Там же. С. 154-155.
43. Там же. С. 155.
44. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 485. Л. 4 об.
45. Замечательные происшествия, случившиеся в Пермской губернии. Убийства // ПГВ. 1851. № 39. С. 2-3.
46. ГАСО. Ф. 11. Оп. 2.
47. Там же. Д. 6. Л.2, 72 об.
48. Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 150. Л. 6.
49. Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 24. Л. 25-25 об.
50. Там же. Д. 33. Л. 2.
51. Там же. Д. 54. Л. 41.
52. Там же. Д. 75. Л. 2-2 об.; Д. 97. Л. 2.; Д. 99. Л. 2; Д. 106, 110-111, 114, 118, 129, 135, 140-143, 149, 157, 159.
53. Там же. Д. 143. Л. 2.
54. Там же. Д. 129. Л. 25-25 об.
55. Цит. По: Громыко М.М. Традиционный нравственный идеал... С. 679.
56. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 633. Л. 2.
57. Золотов Е. По поводу смертности крестьянских детей // ЕЕВ. 1888. № 25. С. 589-590.
58. Слова простонародной речи в Пермской губернии, пословицы, поговорки и приметы, записанные землемером Д.А.Александровым // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1895. Т. XV. Вып. «. С. 203; Дополнение к сборнику пословиц и поговорок В.Г. Олесова... С. 216.
59. Миронов Б.Н. Указ. соч. СПб., 2000. Т.2. С. 331.